

Отделение РОВС в Маньчжурии не имело финансовой поддержки со стороны властей Маньжоу-го и вынуждено было самостоятельно изыскивать средства для пополнения бюджета, основными статьями которого были средства от членских взносов, выпуска газет, а также устройства различных вечеров, концертов, лотерей и т.п.

Ориентация политической деятельности РОВС на страны Запада и негативное отношение к Японии стало одной из главных причин закрытия его отделения на территории Маньчжурии в 1935 г. Его преемником, созданным и действовавшим под контролем японских властей, стал Дальневосточный союз военных, учрежденный в 1934 г. в Харбине.

Н.В.Суржикова

Уральский государственный университет

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УРАЛЬЦЕВ

В результате Второй мировой войны в советском плену оказалось 4,1 млн. военнопленных армий гитлеровской Германии и ее союзников. Свыше 250 тыс. их них были размещены на Среднем Урале. Первый эшелон с пленными прибыл на территорию края в мае 1942 г. Вскоре возник первый специальный лагерь для их содержания № 62 НКВД СССР в пос. Басьяновский Верхнесалдинского района. К 1945 г. число лагерей достигло 14. К началу 1950 г. основная часть пленных была освобождена и отправлена на родину. Репатриации не подлежали пленные, осужденные советскими органами юстиции как военные преступники. Для их содержания был создан особорежимный лагерь № 476. Его обитатели были отпущены домой лишь в 1955-1956 гг.

Крупный массив документальных материалов по данной теме отложился и содержится в фондах центральных и местных архивов. По известным причинам эти уникальные материалы стали вводиться в научный оборот совсем недавно и, следовательно, только сейчас появилась уникальная возможность реконструировать во всем многообразии картину пребывания иностранных военнопленных на Среднем Урале. Помочь этой реконструкции может и привлечение таких источников, как воспоминания жителей края. Несмотря на их фрагментарность и субъективность, воспоминания позволяют восстановить важные детали событий и фактов, связанных с жизнью и бытом военнопленных, внести ясность в вопросы их размещения, питания, медицинского обеспечения, отношения к работе, репатриации и т.д.

Вот какими запомнились военнопленные и их жизнь ветерану войны и труда, жительнице г.Екатеринбурга Ф.Пильщиковой: «После того, как демобилизовалась по болезни из военно-морского госпиталя в г.Владивостоке, я, подлечившись, была направлена в город Нижний Тагил в лагерь № 377 начальником лазарета. Он был на 1 тыс. человек, а сам лагерь - на 5 тыс. человек. Начальником пищеблока был венгр или румын. Хочу отметить его отношение к работе. При составлении ежедневного меню он добивался полной закладки продуктов с учетом до единой калории. Мало того, даже варил для больных из сахара леденцы на палочке, которых наши дети в войну и во сне не видели. Через месяц меня отправили в г.Кировград начальником санчасти лагерного отделения № 3. В него входило 6 точек: Левиха, Карпушиха, Тепловая, Невьянский завод. Цементный завод и сам г.Кировград.

Вскоре был получен приказ об отправке на родину всех дистрофиков и больных пленных. Вот тут-то и добавилось работы нашим врачам, которых приходилось по одному на точку (врачи и медбратья были у пленных в основном свои). Большинство пленных стали умышленно доводить себя до дистрофии. Хлеб, таблетки выбрасывали в туалет. Воду пили грязную. Вскоре получили приказ открыть «санаторий» для пленных на 400 мест, что и было сделано. В Тепловой в лесу огородили бараки невысоким забором. Здесь увеличили паек хлеба, продуктов, а витамины они собирали сами: крапива, шиповник, настой из трав и хвои и т.д. Через месяц их отправляли домой, а на их место 400 новых помещали и так до июня 1947 г. Остальных же пленных увезли в другие лагеря Свердловской обл.".

Воспоминания очевидцев позволяют решать ряд практических задач, связанных с пребыванием военнопленных на Среднем Урале. Так, некоторые уральцы могут рассказать и показать, как и где производились захоронения военнопленных, тем самым способствуя поиску и дальнейшему благоустройству кладбищ военнопленных, имеющих статус иностранных воинских захоронений, большинство из которых было утрачено в 60-е гг.

Особенно важно, что воспоминания, как никакие другие источники, характеризуют отношения местных жителей и лагерного персонала к пленным. Оно было далеко неоднозначным. Для многих людей пленные были - и остаются до сих пор - фашистами, извергами и палачами. Однако наряду с такой тональностью встречались если и не самые добрые, то, по крайней мере, не враждебные чувства по отношению к военнопленным. Подтверждением тому является фрагмент воспоминаний бывшей жительницы пос.Лосиный Н.Селезневой: "Барак у нас в поселке всегда было много. Часть из них огородили и сказали, что там будут жить пленные... Жители с утра вышли к паровозу - "Кукушке", который ходил с участка на участок (участки торфяных разработок - Н.С.). И вот в 4 часа вечера подошел паровоз, открыли вагоны, а пленные стоят и боятся выходить. Вышел военный, что-то объяснил им спокойно и они стали

выходить. Но военным пришлось сделать коридор из солдат с собаками, ограждая пленных от жителей, так как народ с обеих сторон начал на них надвигаться. В это время вышла пожилая женщина и сказала: "Опомнитесь, это такие же дети и отцы, которых приказом отправили на эту бойню". Жители постояли и стали расходиться... Бить их (пленных - Н.С.) никогда не били. Солдаты, охранявшие их, не кричали. Если кто дорогой на работу занемог, колонна останавливалась и ждала столько, сколько было нужно. Пленные, которые работали в поселке, могли с нами изъясняться и мы передавали им кое-какие вещи. И этого никто не запрещал..."

Показательны воспоминания инвалида Великой Отечественной войны и ветерана труда В. Богатырева, работавшего с 1948 г. в 82-ом цехе УЗТМ в г. Свердловске: "Каждый день к 8 часам утра привозили к нам на участок одного пленного немца. Сначала мы к нему относились настороженно. Но, увидев его отношение к работе, дружелюбие и приветливость, изменили свое отношение. Мы увидели в нем рабочего парня, как и мы сами. От него подчас даже зависел наш заработок... и не было случая, чтобы из-за него была не сдана продукция. У Ганса была красивая зажигалка и мы, почти все курящие, подходили к нему прикуривать, так как со спичками в те времена было туговато. Но однажды он нечаянно оставил ее на разметочной плите и она исчезла... Нам всем было неловко и мы пытались узнать, кто стащил зажигалку, но безрезультатно... Ганс не долго унывал и даже сочинил шуточный стишок: "Зеен, зеен, никсдееен, цап-царап, ауфвидерзеен". - Смотрит, смотрит и не видит, а взял - и до свидания. - Мы вместе с ним дружно смеялись... ».

Такими в общих чертах предстают военнопленные в воспоминаниях уральцев - очевидцев событий 1942-56 гг. При этом важно отметить, что использованные нами материалы представляют собой позднейшие описания авторских впечатлений о пережитом, что повлияло и на точность человеческой памяти, и на оценку фактов. Это заставляет историков обращаться с воспоминаниями очень осторожно, проверяя их данные свидетельствами других источников. Однако это не снижает ценности воспоминаний, которая заключается в отражении индивидуального восприятия событий и передаче личного взгляда на вещи. Более того, воспоминания позволяют представить изучаемое время через отдельные человеческие судьбы и характеры, понять мироощущение эпохи.